

Лидия Яновская. ЗАПИСКИ О МИХАИЛЕ БУЛГАКОВЕ. Издательство “Мория”, Израиль, 1997.

Эту книгу, видимо, не просто будет прочитать в России. Изданная в Израиле неуказанным тиражом, она лишь отдельными экземплярами достигает нашей страны. А здесь ее вряд ли возьмутся переиздавать: этому жестко и даже жестоко воспротивится сомкнутый клан, стремящийся задавать тон в булгаковедении. Разумеется, Булгакова изучают и за пределами этого клана. Но речь именно о тех, для кого автор книги, Лидия Марковна Яновская, давно уже персона нон грата. Слишком часто ее публикации заставляли их ощутить недостоверность и вторичность своей научной продукции. А такое не прощают никогда.

А жаль. “Записки о Михаиле Булгакове” — из книг штучной работы, редкость и по неординарному, бросающему новый свет на жизнь литературы содержанию, и по столь же неординарной форме.

Книга Л. Яновской — на грани между исследовательской и художественно-документальной прозой, вобрав в себя преимущества и той, и другой. В ней соединяются, взаимопереплетены сразу четыре истории. Первая — ее самой, Лидии Яновской, — в чем нет греха, своим “взносом” в наше знание жизни и творчества Михаила Булгакова она много заслужила. Вторая — история Елены Сергеевны Булгаковой, которую уже давно пора было написать. И низкий поклон

Л. Яновской за то, что это сделала. А третья и четвертая — это история М. А. Булгакова — того, который жил, писал “и в душных стенах задыхался” тогда, в 20-е и 30-е годы. И того, который посмертно, десятилетия спустя, своей судьбой и сочинениями питает и культовое поклонение любителей, и научные карьеры специалистов, и замысловатые, а то и просто коммерческие затеи пристроившихся к наследству.

По тексту “Записок...” разбросаны живые портреты людей, которые были близки Булгакову, но оставались не слишком известны — Марики (Марии Артемьевны) Чимишкиан, Николая Лямина, Сергея Ермолинского. Насколько присущи Л. Яновской искусство объективности и такт, видно из портрета С. А. Ермолинского, нелицеприятного, но и справедливого одновременно. Она без обиняков показывает, как в своих воспоминаниях о Булгакове С. Ермолинский заменял утраченные памятью реалии профессиональным сочинительством. Но не упускает возможности напомнить и о том, как достойно он держался в ситуации, хуже которой в нашем отечестве, пожалуй, не бывало: на допросах в госбезопасности.

Опираясь как на прежние, уже известные свидетельства, так и на новые, полученные ею самой, Л. Яновская реставрирует отношения Булгакова с Маяковским и А. Фадеевым. Она делает это с желанием понять психологический подтекст отношений и с уважением — на мой вкус, чрезмерным — к обоим неблизким Булгакову писателям.

Автор “Записок” демонстрирует, какими домислами загромождены и биография, и творческий облик Михаила Булгакова, и старается по возможности очистить их от разнообразных произвольных напластований.

Одна из самых первых глав “Записок о Михаиле Булгакове” называется “Дыхание вечной книги”. В ней речь о Библии, “которую, — пишет Л. Яновская, — он знал, читал, с которой советовался, может быть, спорил, у которой учился. Книгой, вошедшей в его творчество цитатами, образами, самим дыханием”. Библейская тема нынче в большом ходу. О следах Ветхого и Нового заветов в литературе готовы поговорить и, увы, говорят многие. Это поветрие не могло миновать булгаковедения. И мысль “исследователей” тут не знает удержу. Некоторое время назад можно было прочесть, например, что булгаковская “Белая гвардия” — это нечто вроде римейка “Откровения

Иоанна Богослова”, старательно исполненного Булгаковым на материале новых времен (Ф. Балонов, “НЛО”, № 24). В отличие от авторов столь экстравагантных и столь же умозрительных опусов

Л. Яновская погружается непосредственно в сами булгаковские тексты и показывает, как идеи и образы вечной книги реально присутствуют в них, живут там “какой-то новой и неожиданной жизнью”. Какую роль, скажем, играют в структуре пьесы “Бег” мотивы и прямые извлечения из Второй книги Моисеевой — Исход.

Вполне естественно, что писавшие о Булгакове не раз брались выискивать в “Мастере и Маргарите” булгаковскую интерпретацию Нового завета. Л. Яновская обходит эту лежащую на поверхности тему, зато открывает, как “неожиданно, точно, сложно” отзывались во многих местах романа реминисценции из завета Ветхого. Она делает это с виртуозной тщательностью текстолога. И на этой стороне, на этом качестве ее книги есть смысл остановиться.

Незаурядный литературовед, она не скрывает, какую роль в ее профессиональной квалификации играет ремесло — не менее верно сказать: искусство — текстологии. Точнее, Лидия Марковна ее подчеркивает, гордится этим. Мы получаем наглядный урок — какое неотменимое значение имеет эта дисциплина в данном, булгаковском случае. Мы узнаём, как высокомерное пренебрежение к текстологии на целое десятилетие обрекло нас читать текст “Собачьего сердца” с более чем тысячей искажений текста авторского.

Узнаём и о более серьезных вещах. До сих пор публикуется и, видимо, будет публиковаться и впредь тот текст “Мастера и Маргариты”, в котором последняя авторская воля, его последняя правка так и не отражены до конца. Восстановить ее сейчас нет возможности. Последняя редакция романа — та, над которой Булгаков с помощью Елены Сергеевны работал в предсмертные месяцы,— сохранилась, по утверждению Яновской, в Отделе рукописей

библиотеки им. Ленина не в том полном виде, в каком передала ее туда Е. С. Булгакова. В “Записках” впервые без обиняков названо имя архивиста, ведавшего фондом М. А. Булгакова, когда рукопись романа утратила первоначальную целостность,— доктор филологии М. О. Чудакова. В свое время это не остановило Л. Яновскую, когда она готовила текст романа для нового издания — в киевском издательстве “Днипро”, 1989 г. Рассказ о том, как восстанавливался максимально близкий к булгаковскому текст — со множеством сверок, подтвердившихся догадок, отброшенных версий, разгаданных и оставшихся без ответа загадок,— одна из самых увлекательных и поучительных глав книги.

Литератору пристало иметь не только точный, наблюдательный ум, но и то, что принято называть душой. Тонкая и открытая жизни душа продиктовала Л. Яновской те страницы, на которых показано, как Булгаков слышал, любил, помнил живую устную украинскую речь и, стало быть, не мог свысока глядеть на народ, на этом языке говорящий. Эти страницы дорогого стоят как раз сейчас, когда ополоумевшие от подаренной им “незалежности” шовинисты в Украине со страстью выискивают и чуть не на каждом шагу обнаруживают идущую от москалей шкodu. Эта их истерия прямо задевает и наследие Булгакова. Нет, показывает Л. Яновская, москаль Булгаков не меньше их ценил и чувствовал звучащую душу той земли, где родился и вырос.

Л. М. Яновская — из числа тех, кого уже в совсем недавние времена вынудили уехать из России,— и не столько обстоятельства, сколько люди, воплотившие эти обстоятельства. И печать оправданной обиды лежит на ее книге, однако справедливее сказать не “лежит”, а лишь мерцает в глубине текста. Или подтекста. Нельзя сказать, что это совсем не портит “Записки”. Скажем, на одной из страниц Л. Яновская походя унижает Г. С. Файмана, сумевшего извлечь из архивов бывшего КГБ и опубликовать копии доносов 30-х годов на Булгакова. Автор

“Записок” не нашла по этому поводу ничего другого, как предположить, что эта публикация может быть “и подло лживой”. Она как бы не допускает тем самым, что в оставленной ею стране были и остаются честные профессионалы. Но это, слава Богу, лишь эпизод в ее книге. При всей жесткости большинства оценок, которые Л. Яновская дает советским (они сложились как советские и остаются по преимуществу таковыми) булгаковедам, она вполне точна в фактах, согласующихся с этими оценками.

Закончу тем, с чего начал. Скорее всего среди нынешних издателей не найдется настолько сообразительного, чтобы взяться повторить издание книги Л. Яновской

Вячеслав ВОЗДВИЖЕНСКИЙ